

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Петр
Фролов**

**СУД
НАРОДА**
ТАЙНЫ ВЕЛИКОЙ ЧИСТКИ

Москва
издательство
РОДИНА
2023

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)
Ф 91

Фролов Петр

Ф 91 Суд народа. Тайны Великой чистки. — М.: Родина, 2023. — 288 с. — (Советский век).

ISBN 978-5-00222-196-7

Летом 1938 года во время визита на погранзаставу начальник управления НКВД по Дальневосточному краю Генрих Люшков перешел госграницу и сдался в плен японской разведке. Пограничник Петр Фролов (имя изменено) — был одним из тех, кого обвинили в содействие бегству предателя. После серии допросов на Лубянке автор ждал расстрела, но нарком НКВД Лаврентий Берия назначил его в команду, что приводила в исполнение «высшую меру социальной защиты»...

Участвуя в расстрелах, в т.ч. и бывшего наркома НКВД Николая Ежова, автор книги пытался найти ответы на вопросы: а кем на самом деле были те, кому суд народа вынес смертный приговор. За что их на самом деле расстреляли и насколько справедливы были приговоры.

Об этом он написал свои воспоминания уже после смерти Сталина. И хранил их в секрете. Лишь после смерти автора они опубликованы.

УДК 327 (1-87)
ББК 66.4(4/8)

© Фролов П., 2023
ISBN 978-5-00222-196-7 © ООО «Издательство Родина», 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление. Рукопись, найденная на антресолях	6
Глава 1. С погранзаставы в камеру Лубянки	14
Глава 2. Из камеры смертников в палачи	46
Глава 3. Казнь «кровавого карлика»	78
Глава 4. Смерть коррупционеров-оппозиционеров	126
Глава 5. Враги Сталина или народа	201
Заключение	281
Примечания	282

АЛЕКСАНДР СЕВЕР.
ВСТУПЛЕНИЕ.
Рукопись, найденная на антресолях

Утром 20 декабря я сидел в студии популярной московской радиостанции. В этот день в нашей стране отмечается профессиональный праздник работников органов госбезопасности и внешней разведки — День чекиста. В прямом эфире в течение часа мне предстояло доказывать радиослушателям, что сотрудники НКВД были не только палачами, но и защитниками Родины. Что еще можно обсуждать в рамках темы: «Репрессии 1937 года и органы госбезопасности».

Ведущая — очаровательная дама — предупредила меня перед прямым эфиром: несмотря на то, что ее отец был сотрудником внешней разведки — по отношению к отечественным спецслужбам она настроено резко отрицательно. Правда пообещав дебатов в студии не устраивать. С этой задачей прекрасно справятся радиослушатели. Женщина ошиблась — все звонившие хвалили Сталина. Как говорится, хотели как лучше, а получилось как всегда.

После окончания передачи я вышел в коридор. Мое место занял новый гость. Ко мне подскочила редактор. Протараторив:

— Звонила пенсионерка. В эфир просила не выводить, — Сунула листок бумаги мне в руку и развернувшись поспешила обратно на свое рабочее место, добавив на ходу, — Просила перезвонить. Сказала, что у нее есть интересный материал. Мемуары отца...

Этим же вечером я позвонил по указанному номеру и договорился о встрече. Честно говоря, ехать мне не хотелось — не верил, что этот визит будет результативным. Ме-

муары, скорее всего, были написаны неразборчивым старческим почерком. На расшифровку текста уйдет, как минимум, месяц, а то и больше. Все мучения ради того, что бы прочесть набор здравниц в честь Сталина и сцен из жизни писавшего. Возможно, что автор на самом деле не бывший чекист, а обычный графоман.

Кирпичный «сталинский» дом в районе метро Фрунзенская. Бдительная старушка консьержка, которая долго выясняла, к кому и зачем я пришел. Квартира на пятом этаже. Дверь открыла пожилая дама. Пригласила войти. Через несколько минут мы сидели за столом в гостиной, пили кофе с коньяком и беседовали. Точнее говорила в основном она, а я больше слушал.

— Признаюсь, я почти ничего не читала из ваших книг, кроме «Антикоррупционного комитета Сталина» и книги о Бериин¹. Подруга рекомендовала. Она активистка КПРФ и мы с ней часто по этому поводу спорим. Зато с моим отцом она часами обсуждали, как хорошо было жить при советской власти. Просто она не была за границей и не знает, что можно жить иначе. Мы с мужем, к сожалению, покойным, — она печально вздохнула, — много лет прожили на Западе. Сережа был дипломатом. Впрочем, это не по теме нашего разговора. Мой отец с 1938 по 1954 год служил на Лубянке. И до самой смерти считал, что при Сталине в стране был порядок, а все жертвы политических репрессий пострадали за реальную, а не мифическую, антисоветскую деятельность. Если бы чекисты не ликвидировали «пятую колону» в 1937 году, то СССР не смогла бы победить в войне. Отец рассказывал, что присутствовал при расстрелах. Сам он стрелял, — поспешила добавить она, — лишь документы оформлял вместе с врачом и прокурором. Вас это не шокирует? — спросила она с тревогой в голосе.

— Что именно? — осторожно произнес я, тщательно подбирая слова, — Что он присутствовал при расстрелах? Не он ведь подписывал смертные приговоры. А мое отношение к большинству чекистов — тех, кто не запятнал себя

избиением подследственных на допросах — Вам известно из моих книг.

— Это хорошо, — с облегчением произнесла собеседница. — Просто многие мои знакомые негативно воспринимали отца только из-за того, что он служил в НКВД. Они считали эту организацию преступной... А если бы узнали, что он присутствовал при расстрелах..., — она замолчала.

— Нескромный вопрос — как эти люди относятся к Никите Хрущеву? Как к разоблачителю «культа личности» или как человеку, подписавшему десятки тысячи смертных приговоров жителям Москвы в 1937 — 1938 годах, когда он был секретарем столичного горкома? Наверно, как к инициатору «оттепели» и противнику тоталитаризма. Для них он герой, а ваш отец — плохой человек. Хотя по логике должно быть наоборот или по крайней мере Хрущев повинен в репрессиях точно так же, как и Сталин. Ваш отец был всего лишь исполнитель и наверно искренне верил в то, что все казненные совершили реальные преступления и опасны для страны. Чего не скажешь о Хрущеве.

— Не знаю... — растерянно произнесла она, — Об этом я и не задумывалась... Вы хотите сказать, что мой отец был простым исполнителем, а Хрущев действовал осознанно, а потом ради борьбы за власть стал антисталинистом.

— Не все так просто. Ваш отец и Хрущев действовали в рамках существовавшей на тот момент ситуации. И оба искренне верили, что поступают правильно. Другое дело, что один на всю жизнь сохранил веру в это, а другой — нет. Честно говоря, к людям, не менявшим свои взгляды в угоду политической конъюнктуры, я отношусь лучше, чем к политическим «перевертышам».

— Вы бы с моим отцом наверно нашли бы общий язык. У вас взгляд на прошлое отстранено — нейтральный. Ему были симпатичны такие люди. Назвать его фанатичным сталинистом сложно. Скорее прагматиком, который в 1954 году почувствовал изменение ситуации и ушел с Лубянки. Преподавал историю в военном вузе. После войны

он окончил заочно пединститут, потом защитил диссертацию и хрущевскую «оттепель», а потом и в брежневский «застой» сеял великое и ценное в умы офицеров советской армии.

— А как из чекистов попал в военные? — удивился я.

— Долгая и запутанная история. После окончания погранучилища был распределен на Дальний Восток. Оттуда переведен в Москву — в центральный аппарат НКВД. Отец шутил, что служил «канцелярской крысой в фуражке» — в архивном отделе. Там хранились все следственные дела осужденных, в т.ч. и приговоренных к расстрелу. Когда человека казнили, то отец писал соответствующую справку и подшивал в дело репрессированного. Во время войны отец служил в «Смерше». Как он сам рассказывал — военная контрразведка постоянно испытывала дефицит кадров — из-за высоких потерь на передовой. Вот его и перевели из архивного отдела в оперативное подразделение. Одновременно начал преподавать на курсах, где обучали военных чекистов. Именно тогда он понял, что его истинное призвание — учить молодежь. Так он объяснял свое решение сначала окончить институт, а потом уйти на преподавательскую работу.

— И он преподавал историю? — удивился я.

— Не знаю, — честно призналась она, — Отец никогда дома не рассказывал о своей работе. Во всех анкетах я указывала военный вуз и должность — преподаватель. Этого было достаточно для того, что бы меня вместе с мужем КГБ выпускало за границу...

— Вы говорили о рукописи, — аккуратно напомнил я о причине своего визита. Мне несколько раз приходилось общаться с детьми высокопоставленных чекистов. Служба в органах в эпоху Сталина наложила на этих людей обет молчания. Большинство из них не только не написало мемуаров, но и ничего не рассказало своим родственникам. Вот и сейчас я рисковал после беседы уехать домой с пустыми руками.

— Да-да, совсем заболталась, — воскликнула собеседница, — В начале девяностых годов, когда о Сталине решили говорить правду, то отец решил написать воспоминания. Его раздражала политическая ангажированность и субъективизм большинства изданных в то время книг.

— Он все их читал? — недоверчиво спросил я, мысленно подсчитав, что в то время ему должно было быть не меньше девяносто лет. Мало кто в таком возрасте сохраняет светлый ум.

— Разумеется, не все. Очень мало. Большинство просто просматривал. Он почти каждый день в «Ленинку» (Российская государственная библиотека — прим. авт.) ходил, как на работу. Решил он свои воспоминания написать. Года три трудился, если не больше. Сам на печатной машинке их печатал. Вам когда-нибудь приходилось пользоваться печатной машинкой? — подозрительно спросила она.

— Да в юности, когда еще компьютеров не было. И до сих пор для меня загадка, как люди писали с помощью печатной машинки монографии и романы — ведь это такой каторжный труд, — признался я.

— Для меня тоже. А отец смог, — с гордостью сообщила она, — В 1997 году он отнес рукопись в московское издательство. Офис находился в районе Тверской улицы. Там отец познакомился, как он потом сам сказал, с коллегой из разведки и интересным собеседником. Они вдвоем долго возились с текстом, пытаясь сделать его интересным для читателей... Его новый приятель, а они подружились, был профессиональным журналистом и в советское время работал в ТАСС... Книгу так и не напечатали... В течение одного месяца я потеряла отца и мужа... Где-то года через два, когда я чуть пришла в себя, попробовала отыскать рукопись что бы все же напечатать ее как память. Для отца было очень важно опубликовать свои мемуары. Деньги его не интересовали. Редактор сразу предупредил, что на гонорар рассчитывать не нужно. Может, заплатят, а может — нет. Отцу его военной пенсии хватало... В его записной